

Иван Дмитриевич Беляев

О Несторовой летописи

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И17

И17 **Иван Дмитриевич Беляев**
О Несторовой летописи / Иван Дмитриевич Беляев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 74 с.

ISBN 978-5-458-14976-1

Сочинение действительного члена Императорского Общества истории и древностей российских, при Московском университете, И. Беляева.

ISBN 978-5-458-14976-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

такъ удобны и соблазнительны при описаніяхъ туманной древности; у него вездѣ слѣды неподдѣльной истины и свѣтлаго ума, для котораго правда всего дороже на свѣтъ. Чѣмъ больше мы изучаемъ Нестора и углубляемся въ исторію описываемаго имъ времени, тѣмъ больше и больше убѣждаемся въ достовѣрности и правильности его повѣствованія, тѣмъ болѣе открываемъ слѣдовъ глубокаго и многосторонняго знанія описываемаго предмета въ этомъ мудромъ отшельникѣ, который, кажется, для того только и удалился отъ суетъ міра, чтобы свободнѣе наблюдать за событіями горячо любимой родины. И послѣ сего очевидно, почему лѣтопись Нестора пережила столько вѣковъ; она переживетъ тысячелѣтія; она безсмертна, какъ голосъ истины; въ ней мы видимъ древнюю Русь какъ бы предъ глазами: это не слѣпокъ печати безъ тѣней и красокъ, это именно живое отраженіе въ зеркаль, удержанное мудрецомъ на память позднѣйшимъ потомкамъ и на судъ вѣковъ и народовъ.

Чтобы увѣриться въ достоинствѣ Несторовой лѣтописи, я предлагаю здѣсь обзоръ этого безсмертнаго творенія съ нѣкоторыми замѣчаніями и объясненіями, необходимыми для удобнѣйшаго ея разумѣнія.

Несторъ начинаетъ свою лѣтопись словами: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Руская земля.“ Это начало показываетъ, что онъ, по обычаю всѣхъ лѣтописцевъ своего времени, хотѣлъ вести исторію отечества отъ перваго расселенія человѣческаго рода по землѣ, но, не имѣя отечественныхъ преданій космографіи, или предпочитая имъ современную космографію Византійцевъ, знаменитыхъ тогда своею образованностію, онъ принялъ, кажется, космографію Георгія Амартола, знакомую ему въ Греческомъ подлинникѣ, или въ Болгарскомъ переводѣ; впрочемъ, недовольный ею въ предметахъ, ближайшихъ къ нему и болѣе знакомыхъ, онъ пополнилъ ее своими извѣстіями.

Несторовы дополненія Георгіевой космографіи, начинающіяся съ словъ: „До Понетскаго моря на полнощныя страны, Дунай, Днѣстръ и Кавкаскія горы, рекше Угорски“, и проч., дышатъ неподдѣльною современностію и обличаютъ въ Несторѣ просвѣщенную Геродотовскую любознательность; здѣсь ясно видѣнъ самостоятельный писатель, а не безъотчетный компиляторъ предшественниковъ. Его географическія и этнографическія извѣстія о современной ему Европѣ заслуживаютъ полное изученіе; посмотрите,

какъ правильна и стройна его картина Европы, и какъ блѣдна и безпорядочна предъ нею космографія Византійца: одинъ безъ сознанія толкуеть о давно уже исчезнувшихъ Колхидь, Молосахъ, Докрахъ, Сарматахъ, Тавріанахъ и Скифахъ, обратившихся въ одни пустыя названія безъ предметовъ; другой рассказываетъ живо и стройно о теченіи Дуная, Днѣстра, Днѣпра, Десны, Припети, Двины, Волхова и Волги, которыя еще и теперь знакомы намъ подъ именами, отмѣченными въ летописи; потомъ говоритъ о племенахъ и народахъ: „Ляховеже и Пруси, Чудь присѣдять къ морю Варяжскому.“ Развѣ это не Балтійская Померанія, развѣ мы не найдемъ тамъ и теперь потомковъ древнихъ Прусовъ, Ляховъ и Чуди? Или вотъ конецъ описанія; Несторъ говоритъ: „Римляне, Нѣмцы, Карлязи, Вендицы, Фрягове и прочіи; даже присѣдять отъ запада къ полуденю, и ссѣдятся съ племенемъ Хамовымъ.“ Какъ здѣсь видѣнъ самостоятельный писатель XII вѣка! У него на юго-западѣ Европы потомки Афета сосѣдять съ потомками Хама; стоитъ заглянуть только въ Западно-Европейскую исторію того времени, и намъ явятся Япетиды - Испанцы, живущіе бокъ о бокъ съ Хамитами-Маврами на Пиринейскомъ полуостровѣ.

Сдѣлавши очеркъ космографіи, Несторъ переходитъ къ исторіи Славянъ: „Отъ сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ Словѣнскъ отъ племени Афетова, Норци еже суть Словѣни. По мнозѣхъ же временѣхъ съли суть Словѣни по Дунаеву, гдѣ есть нынѣ Угорска земля и Болгарска,“ и пр. Какъ вѣрно это показаніе! Мы не знаемъ, откуда взялъ его Несторъ, но, очевидно, оно сказано не на обумъ. Послѣ глубокаго изученія всѣхъ древнихъ писателей, Шафарикъ ясно доказалъ, что древнѣйшія жилища Славянъ были по Дунаю. Несторъ не могъ узнать этого у Византійцевъ, которые сами не знали; мы не смѣемъ также утверждать, чтобы этотъ инокъ Печерскій изучалъ Геродота, Цезаря, Плинія и Тацита; стало быть, это самостоятельное свидѣтельство, чистое древнее Славянское преданіе о первобытной родинѣ, сохранившееся въ памяти народа въ продолженіи многихъ вѣковъ, которое и теперь еще слышится въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ, гдѣ звучитъ припѣвъ: „Дунай нашъ, Дунай!“ И это сказаніе тѣмъ для насъ драгоценнѣе (ибо оно свидѣтельствуетъ о неподдѣльной истинѣ), и тѣмъ болѣе мы должны благодарить безсмертнаго Нестора, позаботившагося сохранить эту драгоценность и передать ее намъ въ натуральной простотѣ безыску-

ственныхъ украшеній и вымысловъ. Много ли мы найдемъ лѣтописцевъ и историковъ, которые бы такъ ясно понимали всю важность простоты? „По многѣхъ же временѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеву, гдѣ есть нынѣ Угорска земля и Болгарска.“ Такъ и слышится тутъ родное преданіе, какой-то грустный голосъ народа о потерянной родинѣ, голосъ, не затерявшійся въ вѣкахъ!

Далѣе у Нестора идетъ: „Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по земль и прозвашася имени своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ; яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имнемъ Морава и прозвашася Морава; а друзи Чеси нарѣкошася; а се ти же Словѣни Хровате Бѣлици, и Серебъ, и Хорутане.“ Какъ знакомы эти имена, сколько правды въ этомъ, видимо простомъ, перечисленіи! Это—первобытныя племена Славянскія, самыя древніе старожилы! Гдѣ найдемъ указаніе болѣе стройное и отчетливое объ этомъ предметѣ? Кто намъ дастъ классификацію Славянскихъ племенъ болѣе вѣрную и подробную. А вотъ и второй слой Славянъ, позднѣйшее отдѣленіе отъ главнаго корня: „Волохомъ бо нашедшимъ на Словѣни на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и насилящемъ имъ; Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Висль, и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове же друзи Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне.“ Здѣсь преданіе даже отмѣтило время отдѣленія втораго слоя Славянъ; оно, по словамъ Нестора, произошло въ слѣдствіе нападенія Волоховъ; Волохами же у Славянскихъ племенъ называются Кельты, какъ это превосходно доказалъ Шафарикъ. Слѣдовательно, отдѣленіе втораго слоя произошло во время движенія Кельтическихъ народовъ, которое движеніе намъ уже извѣстно изъ Римскихъ историковъ.

Важнѣйшее извѣстіе для Русской исторіи заключается въ описаніи отдѣленія третьяго слоя Славянъ, который первоначально вошелъ въ составъ Русскаго государства; отдѣленіе это произошло вскорѣ послѣ втораго, въ слѣдствіе того же движенія Кельтическихъ народовъ. „Такоже и ти Словѣни, пришедше и сѣдоша по Днѣпру, и нарѣкошася Поляне, а друзи Древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ; а друзи сѣдоша между Припетью и Двиною, и нарекошася Дреговичи; ини сѣдоша по Двинѣ и нарекошася Полочане, рѣчки ради, яже течеть въ Двину, имянемъ Полота, отъ сея прозвашася Полочане: Словѣни же сѣдоша около озера Илмеря, прозвашася своимъ имянемъ, и сѣдлаша градъ, и нарѣкоша и Новгородъ; а друзи сѣдоша по Деснѣ, и по Семи,

и по Суль и нарѣкошася Сѣверь. Тако розидеся Словѣньскій языкъ.“ Это — первые Славянскіе поселенцы въ Россіи, главные ея старожилы; они особенно, кажется, заслуживаютъ вниманіе въ этомъ отношеніи, что изъ нихъ образовались знаменитыя во время удѣловъ княженія: Кіевское, Новгородское, Черниговское, Галицкое и Полоцкое. Различіе этихъ коренныхъ племенъ, если не было одною изъ причинъ раздѣленія древней Руси, то почти утвердительно можно сказать, что имъ преимущественно такъ долго поддерживалась удѣльная система. Это движеніе Славянскихъ племенъ съ Дуная, по Нестору, слѣдовательно, и на самомъ дѣлѣ, было послѣднее. Несторъ именно здѣсь заключаетъ разселеніе Славянъ: „Такъ розидеся Словѣньскій языкъ.“

Описавши общія первоначальныя расселенія Славянъ съ Дуная, Несторъ переходитъ къ топографіи новаго отечества Дунайскихъ переселенцевъ на Руси: „Поляномъ же жившимъ особъ по горамъ симъ, бѣ путь изъ Варягъ въ Греки; и изъ Грекъ по Днѣпру, и въ верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, по Ловоти внити въ Илмерь озеро великое, изъ него же озера потечеть Волховъ и втечетъ въ озеро великое Нево, того озера внидеть устье въ море Варяжское, и потому морю ити до Рима, а отъ Рима прити потому же морю ко Царюгороду, а отъ Царягорода прити въ Понтъ море, въ неже втечетъ Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо потече изъ Оковьскаго лѣса, и потечеть на полдне; а Двина изъ того же лѣса потечеть; и идетъ на полунощье, и внидеть въ море Варяжское; изъ того же лѣса потече Волга на вѣстокъ, и втечетъ семьдесятъ жерель въ море Хвалисьское. Тѣмъ же изъ Руси можетъ ити въ Болгары и въ Хвалисы на вѣстокъ, доити въ жребій Симвъ; а по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, изъ Рима до племени Хамова.“ Вотъ онъ *Austur-vigi* Скандинавовъ. Это свидѣтельство Нестора особенно важно потому, что оно намекаетъ на хорошее знакомство Русскихъ съ этимъ много-вѣтвистымъ торговымъ путемъ, соединявшимъ разные края Европы съ Азією, и доказываетъ, что этотъ путь былъ извѣстенъ еще въ глубокой древности; въ подтвержденіе чего Несторъ далѣе приводитъ древнѣйшее ему знакомое путешествіе Апостола Андрея: „А Днѣпръ втечетъ въ Понетское море жереломъ, еже море словеть Руское, по нему жъ училъ Св. Андрей, братъ Петровъ“ и проч. Это видимо простое Несторово извѣстіе о большомъ торговомъ пути, издревлѣ проложенномъ чрезъ наше отечество, за-

ключаетъ въ себѣ всемірную, глубоко-историческую, истину; оно доказываетъ о непрерывности торговыхъ сообщений въ этой сторонѣ, отъ временъ Геродота до Нестора.

Окончивши топографію новаго отечества Дунайскихъ переселенцевъ на Русь, Несторъ переходитъ къ ихъ доисторическимъ древностямъ и рассказываетъ, что переселенцы сіи образовали въ новомъ своемъ отечествѣ разныя независимыя другъ отъ друга владѣнія: „Держати почаша родъ ихъ Княженіе въ Поляхъ; въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое въ Новѣгородъ, а другое на Полоть иже Полочанѣ. Отъ нихъ же Кривичи, иже сѣдять на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, ихъ же градъ естѣ Смоленскъ; туда бо сѣдять Кривичи, то же Сѣверъ отъ нихъ.“ Здѣсь мы видимъ не только какія отдѣльныя владѣнія образовались у нашихъ Славянъ, но даже и границы каждаго владѣнія; это указаніе такъ необходимо для послѣдующей нашей исторіи, что безъ него, при раздробленіи княжествъ, мы никакъ не могли бы избѣгнуть запутанности. Далѣе Несторъ описываетъ Славянскихъ сосѣдей на Руси, не принадлежавшихъ къ ихъ племени: „А се суть иніи языци, иже дань даютъ Руси: Чудь, Меря, Весь, Муромъ, Черемись, Мордва, Пермь, Печера, Ямь, Литва, Зимигола, Корсь, Норова, Либь; си суть свои языкъ имуще, отъ колѣна Афетова, иже живутъ въ странахъ полуночныхъ.“ Тутъ же излагаетъ и топографію сихъ инородцевъ: „на Бѣлѣозерѣ сѣдитъ Весь, а на Ростовскомъ озерѣ Меря, а на Клещинѣ озерѣ Меря же; по Оцѣ рѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу Муромъ, языкъ свой, и Черемиси свой языкъ, Мордва свой языкъ.“ Это свидѣтельство Нестора, по своей ясности и определенности относительно доисторическихъ древностей Руси, заслуживаетъ полную вѣру каждаго ученаго; многія жилища племенъ, указанныя Несторомъ, и теперь еще заняты тѣми же племенами, другія же, хотя уже принадлежатъ инымъ поселенцамъ, но тѣмъ не менѣе добросовѣстныя изслѣдованія ученыхъ открываютъ ихъ принадлежность племенамъ, замѣченнымъ у Нестора. Чѣмъ болѣе углубляются ученые въ историческія изслѣдованія о древнѣйшихъ племенахъ нашего отечества, тѣмъ яснѣе становится истина сказаній Несторовыхъ.

За изложеніемъ доисторическихъ Славянскихъ древностей на Руси, Несторъ, въ послѣдній разъ, обращается къ первобытной Славянской родинѣ, — къ Дунаю: „Словенску же языку, яко же

рекохомъ, живущю на Дунаи, придоша отъ Скуоъ, рекше отъ Казаръ, рекоміи Болгаре, съдоша по Дунаеви, насельници Словѣномъ быша. Посемъ придоша Угри Бѣли, наслѣдиша землю Словѣнску; си бо Угри почаша быти при Иракліи Цари, иже ходиша на Хоздроя Царя Перьскаго. Въ сѣже времена быша Обри, ходиша на Ираклія Царя и мало его не яша; сѣже Обръ воеваху на Словѣнѣхъ и примучиша Дульбы, суцая Словѣны, и насиліе творяху женамъ Дульбѣскимъ: аще поѣхати будяше Обрину, не дадыше въпрячи коня, ни вола, но веляше въ прячи 3 ли, 4 ли, 5 ли, женъ въ тельгу и повести Обърѣна; тако мучаху Дульбы. Быша бо Обърѣ тѣломъ велици и умомъ горди, и Богъ потреби я, помроша вси, и не остася ни единъ Объринъ; есть притѣча въ Руси и до сего дне: погибоша аки Обръ, ихъ же нѣсть племени, ни наслѣдка. По сѣхъ же придоша Печенѣзи; паки идоша Угри Черніи мимо Кіевъ, послѣ же при Олзѣ.“ Эта статья о движеніи народовъ къ Дунаю, кажется, неполна и не выдержитъ строгой критики; въ ней не упоминается ни о Готфахъ, ни о Гуннахъ, ни о другихъ народахъ, волновавшихъ Европу послѣ Кельтовъ. Но тѣмъ не менѣе она остается замѣчательнымъ указаніемъ, какъ самостоятельное свидѣтельство, въ сущности своей почерпнутое Несторомъ не изъ книгъ, а изъ народнаго преданія. Память народа могла многое утратить; она удерживаетъ и сохраняетъ потомству только то, что оставляетъ самое сильное и продолжительное впечатлѣніе на духъ народа. Слѣдовательно, изчисленные Несторомъ движенія народовъ къ Дунаю особенно были важны для Славянъ и оставили по себѣ память, сохранившуюся въ вѣкахъ. Разсматривая ближе это извѣстіе Нестора, мы находимъ, что онъ имѣлъ здѣсь два источника, народное преданіе и Византійскія лѣтописи. Основою сказанія, очевидно, было преданіе; изъ Византійскихъ же лѣтописей Несторъ почерпнулъ только обстоятельства, способствовавшія къ объясненію времени описываемыхъ народныхъ движеній: таковыя обстоятельства суть: „Сибо Угри быша при Иракліи Цари, иже ходиша на Хоздроя царя Перьскаго. Въ сѣже времена быша и Обри, ходиша на Ираклія царя, и мало его не яша;“ а также выраженіе: „придоша отъ Скуоъ.“ Все же остальное явно почерпнуто изъ народнаго преданія; ибо ни производство Болгаръ отъ Козаръ; ни насиліе Обровъ Дульбамъ, не могли быть переданы потомству ни къмъ другимъ, кромѣ Славянъ; а слова Нестора: „есть притѣча въ Руси и до сего

дне: *погибоша аки Обръ,*“ ясно свидѣтельствуяютъ, что преданія сіи были хорошо знакомы Рускимъ Славянамъ, и что Несторъ бралъ ихъ не съ Дуная, не съ Вислы, а съ Днѣпра; въ противномъ случаѣ онъ не могъ такъ явно обманывать своихъ современниковъ, что у нихъ есть притча объ Обрахъ, если бы ее не было въ самомъ дѣлѣ.

Потомъ Несторъ опять обращается къ Славянскимъ племенамъ на Руси, и уже не оставляетъ ихъ до самаго 852 года по Р. Х. Описавши послѣднее переселеніе Славянскихъ племенъ за Днѣпръ изъ Польши, подъ предводительствомъ Радима и Вятки, онъ подробно рассказываетъ объ образѣ жизни и обычаяхъ разныхъ Славянскихъ племенъ на Руси, и тутъ же, какъ бы въ параллель, приводитъ свидѣтельство Георгія Амартола объ обычаяхъ другихъ народовъ. Эта статья служитъ превосходнымъ дополненіемъ къ доисторическимъ Славянскимъ древностямъ, и даетъ вѣрное понятіе о характерѣ разныхъ Славянскихъ племенъ, въ послѣдствіи вошедшихъ въ составъ Русскаго государства, и притомъ намекаетъ, что еще во время Нестора нѣкоторыя изъ нихъ сохраняли свои прежнія обыкновенія: „Яже творятъ Вятичи и нынѣ.“

За описаніемъ характеристики у Нестора непосредственно начинается собственно исторія Приднѣпровья описаніемъ тамошнихъ раздоровъ между племенами и нападенія Хазаръ на эту страну, которые и покорили Полянъ, Сѣверянъ и Радимичей. Здѣсь Несторъ народное преданіе о завоеваніяхъ Хазаръ пополнилъ сравненіемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ съ церковнымъ преданіемъ о томъ, какъ Моисей былъ приведенъ предъ Фараона и какъ старѣйшины Египетскіе сказали, что Моисеемъ будетъ смиренъ Египеть.

Отыскавши въ Византійскихъ лѣтописяхъ первое достоверное Руское происшествіе, опредѣленно отмѣченное годомъ Византійской хронологіи, Несторъ немедленно приступаетъ къ составленію Хронологической таблицы для всей своей лѣтописи и оканчиваетъ ее годомъ кончины Великаго Князя Святополка Изяславича: „Въ лѣто 6360 индиктъ 15, наченшо Михаилу царствовати, начася прозывать Руска земля. О семъ бо увѣдахомъ, яко при семъ цари приходиша Русь на Царь-Городъ, якоже пишется въ лѣтописаньи Гречествѣмъ: тѣмъ же отсель почнемъ и числа положимъ. Яко отъ Адама до потопа лѣтъ 2242, а отъ потопа до Аврама лѣтъ 1000 и 82; а отъ Аврама до изхоженья Моисее-

ва лѣтъ 430; и отъ исхоженья Моисѣева..... А отъ перваго лѣта Михаилова до перваго лѣта Олгова, Рускаго Князя лѣтъ 29; а отъ перваго лѣта Олгова, понеже съде въ Кіевѣ, до перваго лѣта Игорева лѣтъ 31; а отъ перваго лѣта Игорева до перваго лѣта Святославлѣ лѣтъ 33; а отъ перваго лѣта Святославлѣ до перваго лѣта Ярополча лѣтъ 28; а Ярополкъ княжи лѣтъ 8; а Володимиръ лѣтъ 37; а Ярославъ княжи лѣтъ 40. Тѣмъ же отъ смерти Святославлѣ до смерти Ярославлѣ лѣтъ 85; а отъ смерти Ярославлѣ до смерти Святополчи лѣтъ 60. Но мы на прежнее возвратимся, что ся удѣя лѣта си.“ Это свидѣтельство прямо указываетъ, что Несторъ началъ писать свою лѣтопись не раньше какъ въ княженіе Владиміра Мономаха, ибо при жизни Святополка, естественно, онъ не могъ доводить своей хронологической таблицы до кончины сего Великаго Князя и говорить, что „отъ смерти Ярославлѣ до смерти Святополчи лѣтъ 60.“ Или, по крайней мѣрѣ, окончаніе таблицы написано авторомъ по смерти Святополка. Въ этой таблицѣ встрѣчается одно замѣчательное недоумѣніе: почему Несторъ не выставилъ въ ней годъ прибытія Рюрика къ Славянамъ Новгородскимъ, а началъ прямо первымъ годомъ княженія Олега? На это можно дать только одинъ отвѣтъ: Несторъ писалъ Кіевскую, а не Новгородскую лѣтопись; Рюрикъ же не владѣлъ Кіевомъ, слѣдовательно и годъ его прибытія къ Славянамъ Новгородскимъ, естественно, не входитъ въ Кіевскую Хронологию. Это подтверждаетъ и самая таблица; ибо въ ней выставленъ первый годъ Олегова княженія не въ Новгородѣ, а въ Кіевѣ. Олегъ сдѣлался преемникомъ Рюрика въ Новгородѣ въ 6387 году, который годъ равняется 27 году отъ 1 го года царствованія Михаила; въ таблицѣ же сказано: „отъ перваго лѣта Михаилова до перваго лѣта Олгова Рускаго Князя лѣтъ 29,“ слѣдовательно, первый годъ Олегова княженія относится къ 6390 году, именно, къ тому самому, въ который онъ убилъ Аскольда и Дира и завладѣлъ Кіевомъ.

Въ слѣдъ за таблицею, чтобы не сбиться въ числахъ, Несторъ ставитъ девять чиселъ лѣтъ, изъ коихъ первымъ пяти не имѣетъ еще происшествій; къ 6му, т. е., къ 6366 приурочиваетъ крещеніе Болгаръ, къ седмому дань Варяжскую и Казарскую, съ Славянскихъ племенъ въ нашей сторонѣ; для осмага и девятаго опять не имѣетъ происшествій, и, наконецъ, съ десятаго, т. е., съ 6370 (862), начинается собственно Рускую исторію призваніемъ Варяговъ-Руси къ Славянамъ Новгородскимъ или Ильменскимъ.

Начиная собственно Рускую исторію, Несторъ, прежде всего, опредѣляетъ, изъ какихъ племенъ составилось Русское Государство первоначально и въ какомъ состояніи находились эти племена. По словамъ его, Русское Государство первоначально составилось изъ племенъ туземныхъ и пришлыхъ. Туземныя племена одни принадлежали къ Финскому поколѣнію, съ незапамятныхъ временъ поселившемуся въ Сѣверныхъ краяхъ нашего отечества, таковы: Чудь, Меря и Весь, топографія которыхъ уже описана прежде; другія составляли третичный слой Славянскаго рода, вышедшій изъ Придунайскихъ странъ въ слѣдствіе движенія Кельтовъ: они были собственно Славяне Ильменскіе или Волховскіе, и Кривичи, жившіе при верховьяхъ Западной Двины, Днѣпра и Волги; пришлое же племя составляли Русь одноплеменные съ Шведами, Норвежцами, Англичанами и Готами, собственно жители Скандинавскаго полуострова, извѣстные у Западныхъ писателей подъ именемъ Нормановъ, а у насъ подъ именемъ Варяговъ: „Сице бо ся зваху тѣи Варязи Русь, яко же се друзиѣи зовуться Своє, друзиѣи же Урмане, Англяне, друзиѣи Гѣте, тако и си.“ Исторіи этого пришлаго племени Несторъ или не знаетъ, или не считаетъ нужнымъ говорить о ней. Означая же состояніе туземныхъ племенъ предъ временемъ приглашенія пришельцевъ, говоритъ, что за два года до этого времени какое-то изъ Варяжскихъ племенъ приходило брать дань на Чуди, Славянахъ, Мери, Веси и Кривичахъ; потомъ туземцы выгнали пришельцевъ и стали управляться сами собою: „И почаша сами въ собѣи володѣти, и не бѣ въ нихъ правды, вѣста родъ на родъ, быша въ нихъ усобици и воевати почаша сами на ся.“ Но, утомленные распрями, они рѣшились пригласить къ себѣ посредника и правителя: „Рѣша сами въ себѣи поищемъ собѣи Князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву ... И идоша за море къ Варягамъ къ Руси.... Рѣша Руси Словѣни, Чудь и Кривичи: вся земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидѣте княжить и володѣти нами. И избращася 3 брата съ роды своими, поаша по собѣи всю Русь, и придоша старѣишій Рюрикъ съдѣ въ Ладозѣ, а другій Синеусъ на Бѣльозерь, а третій Изборстъ Труворъ. Отъ тѣхъ прозвася Руская земля Новугородьци: ти суть людіе Ноугородьци отъ рода Варяжска, прежь бо бѣша Словѣни.“

Это призваніе Вараговъ-Руси есть самое темное мѣсто изъ всей Несторовой лѣтописи; и не мудрено объяснить причину такой

темноты: Несторъ былъ Кіевлянинъ, жилъ слишкомъ черезъ 200 лѣтъ послѣ этого событія; призваніе Варяговъ-Руси принадлежало, собственно, къ Новгородской исторіи, а онъ писалъ Кіевскую лѣтопись, и о Новгородскихъ дѣлахъ вездѣ говоритъ вскользь, и то только по необходимой связи съ исторіею Кіева. Но, при всей краткости и видимой темнотѣ, это описаніе вѣрно предмету; въ немъ весь недостатокъ въ недомолвахъ; въ неправильности же и несообразности съ послѣдующею исторіею Новгорода Нестора здѣсь обличить нельзя. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ начала Новгородскихъ лѣтописей, которымъ собственно принадлежало это происшествіе; кажется, Москва съ намѣреніемъ, изъ политическихъ видовъ, постаралась истребить эту историческую драгоценность; и потому, для объясненія настоящаго событія, мы, по необходимости, теперь должны довольствоваться одними соображеніями Несторова описанія съ послѣдующею исторіею. Вотъ они: Несторъ говоритъ, что въ призваніи Руси участвовали Чудь, Словѣне и Кривичи; когда же Русскіе Князья, Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, пришли по приглашенію, то Рюрикъ сѣлъ въ Ладогъ, Синеусъ на Бѣль-Озеръ, Труворъ въ Изборскъ; потомъ, по смерти братьевъ, Рюрикъ роздалъ области своимъ мужамъ, кому Ростовъ, кому Муромъ, кому Полоцкъ. А по сказанію самаго же Нестора на Бѣль-Озеръ жила Весь, въ Ростовѣ Меря, въ Муромѣ Муромы, которые у Лѣтописца не помѣщены въ числѣ участниковъ призванія; и напротивъ у Чуди, которая участвовала въ призваніи, лѣтопись не помѣщаетъ ни Князя, ни Княжаго мужа; и притомъ у Кривичей и у Славянъ Ильменскихъ Русь занимаетъ только Ладогу, Изборскъ и Полоцкъ, прочіе же города по верховьямъ Днѣпра, Двины и Волги и по Волхову оставляетъ не занятыми. Чудь здѣсь нельзя принять общимъ родовымъ названіемъ Мери, Веси и Муромы; ибо Несторъ вездѣ отличаетъ ее отъ сихъ послѣднихъ, на пр.; „А се суть инии язъци, иже дань даютъ Руси: Чудь, Меря, Весь, Муромы, Литва, Зимигола, Корсь,“ и пр., или при извѣстїи о первой Варяжской дани: „Имаху дань Варязи изъ за моря на Чуди, и на Словѣнхъ, на Мери, на Всѣхъ (вѣроятнo Веси), Кривичѣхъ.“ Что все это значитъ? Какимъ образомъ Русь не поселяется между приглашавшими племенами и безъ войны занимаетъ мѣста, вовсе не участвовавшія въ приглашеніи? Какъ объяснить эту несообразность, которая увеличивается еще болѣе, когда Несторъ далѣе говоритъ, что отъ тѣхъ Варяговъ-Руси, Новгородци прозвались Русскою землею? Какъ это случи-